

В. Г. ЧЕРКАСОВ-ГЕОРГИЕВСКИЙ

Генерал П. Н. Врангель: последний рыцарь Российской империи: документальное жизнеописание

<Фрагменты>

Часть первая Истоки рода и семьи (1878–1901)

*«Дворянин шпаги». — Заграничные и русские
Врангели. — Дед и отец. — Детство и юность
Петра Врангеля. — Студент Горного института*

Будущий главнокомандующий Белой русской армией генерал-лейтенант Генерального штаба барон Петр Николаевич Врангель родился 15 августа (здесь и далее до 1918 года — старый стиль) 1878 года на земле своих предков в Прибалтике, в городке Ново-Александровске Ковенской губернии Российской империи (ныне это литовский город Зарасай под Каунасом). Он происходил из германо-датско-шведско-эстляндского рода, изумительного своим, так сказать, профессиональным военным геройством и которому тогда уже было 700 лет. И наверное, не случайно, что ротмистр Петр Врангель из элитарного полка русской Конной гвардии стал первым георгиевским кавалером начавшейся в 1914 году Великой Отечественной войны (так тогда называлась в России война, ставшая Первой мировой).

Женитьба барона П. Н. Врангеля на дочери камергера Высочайшего Двора, фрейлине Их Императорских Величеств Ольге Михайловне Иваненко, была так же уместна, как и получение им звания флигель-адъютанта и вхождение в свиту Его Императорского Величества. И для того чтобы читатель в начале XXI века смог понять, оценить и, ежели не завистник, полюбоваться на благородного происхождения, жизненными связями и удивительной военной судьбой героя нашего повествования, мы должны дать себе труд вникнуть, что же это такое — русский «дворянин шпаги» и титулованный аристократ?

Новый тип иерархии чинов определил в нашей стране государь Петр Великий, под рукой которого складывалась Российская империя. Император создавал его как когда-то князь — свою дружину, с которой был сокровенно близок. Для поддержания центральной власти царя — Помазанника Божия и охраны российских рубежей требовалось собрать «рассыпанную храмину» в крепкий, четко сложенный отряд сословия служилых людей на принципах чести.

Ранее в этих ролях выступали бояре, чья родовитость накапливалась веками службой всей фамилии, но со временем превратилась зачастую в величие не людей, а отпущенных им чинов. При новом государственном устройстве России не годилась неповоротливость былых учреждений и кастовая закрытость первого сословия. В 1701 году Петр I провозглашает новый принцип формирования общества: «...Все служилые люди с земель, а даром землями никто не владеет...» В то же время служение государя России поставило к нему и дворян в нужные отношения. Они в духовном, религиозном смысле служили уже не лично царю, а, как и он, — православной Отчизне.

Лучшими и первыми проводниками царского достоинства, чести стали офицеры «Петровского кондуита» — на все способные и всегда исполнительные, получавшие «исключительные поручения», истинные сыны Отечества. Их отличали, помимо прямых командирских умений, добротные знания по математике, фортификации, географии, нередко и иностранного языка (немецкого — в первой половине XVIII века, французского — во второй). Такие неподдельные отцы солдатам, полковые командиры составляли среднее звено армии и были готовы всегда умереть за веру, царя, отечество и боевых соратников. Такие офицеры едва ли не радовались частым ранам — следам славного служения Родине и высоко ценили награды, а их супруги от высоких чувств плакали, когда мужа их получали. Душой службы были для них строгость и дисциплина.

Все это в полной мере касается и тогдашней «кристаллизации» русского воинского характера фон Врангелей, несмотря на то что они происходили из иностранных земель. Об этом в своих мемуарах «Воспоминания (от крепостного права до большевиков)», изданных в берлинском издательстве «Слово» в 1924 году, отец нашего героя барон Николай Егорович фон Врангель написал так:

«Предок мой, фельдмаршал граф Карл Густав, совместно с французским маршалом Тюреном положил конец Тридцатилетней войне. В конце семнадцатого столетия один из его сыновей переселился в Россию, принял русское подданство и поступил на службу к Петру. И так как одна из моих бабок — темнокожая дочь генерал-аншефа Петра Ганнибала, сына Арапа Петра Великого и прадеда Пушкина — была православная, то и мы, ее потомки, были крещены в православной вере и совершенно обрусели...»

Однако в связи с тем, что только в армии Карла XII служили 79 баронов Врангелей, а представители их рода дрались и под командой Фридриха II, командовали прусской конницей в войнах с Наполеоном, вообще прославились на военном поприще в Дании, Швеции, Германии, Австрии, Голландии, Испании, стоит взглянуть на общеевропейскую, мировую судьбу офицерства. Она начинается с древнеримских центурионов, командовавших сотней воинов,

потом — трибунов, чье положение не отличалось от позднейшей службы офицеров регулярной армии. Но в средневековой Европе офицерство иссякает. К нему нельзя отнести рыцарей, отправляющихся в собственный поход со слугами и оруженосцами или исполняющих приказ более крупного сеньора. Рыцарское ополчение заменяло тогда в стычках и войнах армию. С середины XV века создаются постоянные вооруженные силы. Например, во Франции солдат набирают власти, а офицеров назначает король. Происходит преобразование былого уклада в роту-«копье» с главным воином-рыцарем, которому помогают пехотинец, паж и конные стрелки. К началу XVI века, особенно в Германии, созревает система, когда военачальник набирает войско по государственному патенту на его численность и с определенной денежной суммой. Он приглашает ветеранов полковниками, те подбирают капитанов, нанимающих роты, в каждой из которых заместитель — лейтенант, прапорщик — знаменосец и фельдфебель — распорядитель. Офицерский корпус становится устойчивым общественным организмом.

Формировался этот костяк в Европе по-прежнему из дворянско-рыцарского слоя. Например, и в Японии во второй половине XIX века при переходе к регулярной армии офицерство складывалось из самурайской среды, как и везде, органично наследуя традиции и психологию привилегированного сословия профессиональных воинов — «единоборцев», знаменитых так же в древнерусских княжеских дружинах. Повсюду «благородное» дворянство происходило из отборных бойцов и освобождалось от подушного налога, «платя налог кровью».

Офицерство отождествлялось с дворянством, то есть с благородным сословием, всегда занимая «дворянское» место в обществе. Во Франции по эдикту 1750 года переход в высшее сословие зависел от чина, и генерал сразу становился дворянином. В России начала XX века воинское благородство ценилось еще выше: личное дворянство офицер получал с первым чином, а потомственное — дослужившись до чина полковника. Везде и во все времена «дворяне шпаги» или законно пользовались лучшими правами перед выслужившимися на гражданской службе (условно «дворянами мантии»), или в своем кругу не признавали тех себе равней.

Российское дворянство сделалось привилегированным сословием во второй половине XVIII века. По мысли государыни Екатерины II, в сословной монархии дворянство должно было получить значение той посредствующей силы, которая, по Монтескье¹, присуща монархическому правлению в отличие от деспотии. Эта идея выражена и в известном «Наказе» императрицы, где отмечено, что дворянское звание «есть особое нарицание в чести, отличающее простых людей от тех, кои оным украшены».

Был возбужден вопрос о прекращении доступа в это сословие через чины, потому что при этом «уподляются дворянские роды

и затмеваются их преимущества». В 1785 году Екатерина Великая издала «Грамоту на права, вольности и преимущества благородному российскому дворянству», определяющую его звание как «следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное».

Как справедливо отмечает ряд исследователей, дворянин явился человеком с «характером», личностью с новым типом «естества» или же с новым сознанием. Другой вопрос, что, как писал уже в 1912 году один из апологетов дворянства, и таких лучших русских людей подмял безобидный лишь на вид «могильщик», предшествовавший «гегемону»-пролетариату: «“Интеллигенцию” (то есть новый правящий класс, заменивший дворянство) почему-то называют мечтательной, идеалистической. Стремления интеллигенции ко всякого рода конституциям объясняют именно этим якобы “идеализмом”. Но на самом деле эти стремления свидетельствуют не об идеализме, а о величайшем классовом эгоизме, о желании захватить власть над народом. Вражда к царской власти вытекает из того же источника. Хотят или подчинить царскую власть своим целям (конституционная монархия), или совсем ее упразднить (республика)».

Все, что потом бесповоротно втоптали в грязь, было осью судьбы дворянина. Но еще во второй половине XIX века российский дворянский публицист проникновенно писал: «Никогда не следует забывать, что не только деды, но и отцы и дяди наши — все сплошь почти были армейские и гвардейские отставные поручики и штабс-ротмистры».

Это на самом значительном уровне относится к Врангелям, их род дал Европе 55 высших офицеров — фельдмаршалов, генералов, адмиралов. Только 13 баронов этой фамилии из шведской армии с различными эполетами, регалиями на залитых кровью мундирах остались лежать на разных военных полях, и трое из них — после Полтавской битвы. Семеро Врангелей умерло в плену. В России Врангели, как правило, служили в самых элитарных — Кавалергардском и Конном — полках, что было привилегией лучших представителей российского и часто титулованного дворянства.

Откуда же титулование Врангелей баронами? Само слово «барон» в некоторых европейских языках первоначально обозначало человека, мужчину, а с XI–XII веков — свободного, храброго, благородного. В средневековой Германии баронами назывались получившие за службу собственность от императора или короля. Баронский титул обозначал непосредственного вассала монарха, и в более широком смысле, например, в Англии к баронам принадлежало все высшее дворянство, наследственные члены палаты лордов. В России титул барона ввел все тот же Петр I.

С включением в состав Российской империи прибалтийских территорий и признанием прав прибалтийского дворянства послед-

нее причислили к российскому. Позже российское правительство постановило, что в этом крае имеют право на баронский титул те старинные дворянские фамилии, которые во время присоединения прибалтийских земель к империи были записаны таковыми в тамошних матрикулах — дворянских родословных книгах.

Среди наиболее древних прибалтийских баронских родов сложились такие фамилии, как фон Бэр, фон Ветберг, фон Рихтер, фон Оргис-Рутенберг, фон Клюхтинер, фон Неттельгорст. Графским титулом в 1799 году был пожалован генерал от кавалерии курляндский барон П. А. фон дер Пален. Потом он возглавит заговор против государя Павла I, а его потомок граф А. П. Пален² будет сослуживцем барона П. Н. Врангеля по лейб-гвардии Конному полку и вместе с Петром Николаевичем будет создавать в 1917 году в Петрограде подпольную офицерскую организацию.

* * *

К концу XIX века в мире насчитывалось около ста Врангелей, а в 1930-х годах в Эстонии (бывшей Эстляндии) выходил журнал «Acta Wrangeliana», посвященный этому роду. На его обложке находился герб Врангелей: белые крылья увенчивают верхушку башни замка, ниже расположен рыцарский щит, обрамленный геральдическими цветами и виньетками. Девиз рода гласит: «Rumro pop Plecto!» — «Погибаю, но не сдаюсь!» Итак, век назад представителей русских линий Врангелей было 40, шведских — 37, прусских — 11. Как указывают некоторые исследователи, пошли они от Тука Вранге, командовавшего гарнизоном Ревеля (теперь — Таллин) в 1219 году.

Историк, крупный специалист по российской генеалогии князь П. В. Долгоруков указывал: «Имя этой древней и знаменитой фамилии пишется двояко: Врангель (Wrangel) и Врангелль (Wrangell). Она происходит из Вестфалии, где известна была уже в начале двенадцатого века. Из Вестфалии Врангели переселились в Данию, а из Дании, в тринадцатом веке, в Эстляндию».

Шведскими королевскими грамотами 1653-го и 1680 годов троих представителей рода Врангелей возвели в баронское достоинство. Их род записали в эстляндский матрикул в 1764 году.

В 1865 году в соответствии с Высочайше утвержденным мнением Государственного совета за Врангелями был признан баронский титул в России. Они были вписаны в V часть Дворянской родословной книги Витебской и Санкт-Петербургской губерний. Фамилии некоторых Врангелей писались с предикатами «фон» и «де», но в семье П. Н. Врангеля предикаты не использовались.

Как рассказывает современный исследователь А. А. Мурашев, с XIV века род Врангелей разделился на три главные линии. Прямые предки П. Н. Врангеля «принадлежали к третьей главной линии (состояла из одиннадцати ветвей), непрерывная филиация которой

начинается с Thiderius (Tile) Wrangele, упомянутого в 1346 году в качестве советника датского короля в Эстляндии. Герман Старший в начале XVII столетия был шведским фельдмаршалом. Его внук, ротмистр (впоследствии полковник) Герман Врангель (ум. 1675), вотчинник имений Эллистфер и Луде, в 1653 году грамотой шведской королевы Христины был возведен, с нисходящим его потомством, в баронское достоинство (с дополнительным уточнением — барон Люденгоф. — *В. Ч.-Г.*). Сын его, барон Георгий (Юрген) Густав (1662–1734), был подполковником и командиром полка в армии Карла XII. Внук и правнук Георгия Густава вступили в русскую службу: первый в чине майора, второй — поручика.

Это поправляет неточность в вышецитированных мемуарах барона Николая Егоровича Врангеля, являвшегося внуком упомянутого здесь «поручика», что «один из... сыновей» графа Карла Густава фон Врангеля в XVII веке в России «поступил на службу к Петру».

Вот что рассказывает о своем роде уже внук Николая Егоровича, сын героя нашей книги, барон Алексей Петрович Врангель, живущий поныне в Ирландии, в его исследовании об отце «Генерал Врангель: доверие воспоминаний»:

«Когда-то в XIII столетии некий немецкий рыцарь, покинув свои родовые владения в Нижней Саксонии (этот рыцарь мог происходить из рода Левенвольде фон Вельцен, чьи доспехи были такие же, как у Врангелей), направился на Восток, чтобы вступить в ряды Тевтонского ордена, который под предлогом обращения в христианство прибалтийских языческих племен захватывал новые земли на Востоке. Среди завоевателей выделялся датский король Вальдемар II. В его земельной переписи “Liber Censur Danie” упоминается доминиус Эйлардус, владелец деревни Уврангеле (Uvrangele). Итак, первый документ, где встречается упоминание о Врангеле, датирован 1277 годом: доминиус Генрикус де Врангель. Имя рыцарю дало его родовое поместье. Этот Врангель погиб в бою с литвинами в 1279 году во время войны, которую вел великий магистр Тевтонского ордена Эрнест фон Расберг.

Процветание рода Врангелей пришлось на эпоху сражений и завоеваний. К концу правления Ливонского ордена, в 1561 году, род обладал семью земельными владениями — вторым по величине феодальным уделом в Прибалтике. После того как эта территория отошла к Швеции, Врангели, согласно переписи 1681 года, являлись самым могущественным родом, который обладал тринадцатью земельными владениями, вдвое большими, чем у самых богатых фамилий.

История рода складывается из мозаики отдельных судеб, людей ярких и безвестных, добившихся успеха в жизни и неудачников. Мозаика рода Врангелей особенно богата яркими цветами: за семь столетий своего существования этот род дал семь фельдмаршалов, семь адмиралов, сорок одного генерала, четырех епископов, двух

министров, трех профессоров, одного конезаводчика и одного художественного критика. Эти люди были гражданами разных стран: Швеции, Германии, России, Голландии и даже Испании.

Один из Врангелей, Фабиан (1651–1737), начал свою военную карьеру в Швеции, потом служил во Франции, стал там капитаном, перешел на службу в Голландию уже подполковником, а затем в Испанию — в чине полковника, где был произведен в генералы королем Филиппом Бурбоном. Далее он поменял свои взгляды и сражался на стороне Габсбургов, кстати, весьма успешно, против своего бывшего покровителя, был соратником лорда Мальборо, получил графский титул и завершил свою карьеру фельдмаршалом и последним испанским генерал-губернатором Нидерландов, оставив в память потомкам свои доспехи на стене брюссельского муниципалитета.

Что мы знаем подробнее о знаменитых «зарубежных» фон Врангелях?

Шведский фельдмаршал барон Герман фон Врангель (1587–1644) в битве при Кокенгузене в 1607 году еще простым офицером попал в плен к русским, но вскоре был освобожден и участвовал со шведами в осаде Ивангорода. Потом король Карл IX послал его сражаться против датчан, к которым он тоже угодил в плен. В 1621 году этот фон Врангель уже фельдмаршалом успешно бился с поляками в Лифляндии и Пруссии, а в 1629 году заставил их просить перемирия. Он участвовал в германском походе Густава Адольфа, заключил в 1635 году мир с Польшей в Стумсдорфе, победоносно действовал против австрийцев в Померании. Умер фельдмаршал барон Герман генерал-губернатором Лифляндии, его интересную переписку опубликовали в 1898 году в Стокгольме.

Шведский адмирал и фельдмаршал граф Карл Густав фон Врангель (1613–1676) участвовал в походах Густава Адольфа в Германию, в 1644 году разбил датский флот у острова Фемарн. В 1646 году он командовал войсками в Германии и, соединившись с французскими частями маршала Тюрена, принудил баварского курфюрста 14 марта 1647 года заключить мир. После того как курфюрст снова поднял оружие, шведы и французы опять разгромили его в 1648 году, и завладевший Баварией фон Врангель управлял ею до нового мирного соглашения. В 1656 году граф Карл Густав участвовал в знаменитом трехдневном сражении под Варшавой, в 1658 году на войне с Данией он захватил крепость Кронбург. В 1674 году этот пожалованный из баронов графом фон Врангель во главе 16-тысячной армии вторгся в Бранденбург, но болезнь не дала ему окончательно победить в очередной раз.

А. П. Врангель о нем также рассказывает:

«Студент, изучавший в Голландии корабельное дело и мореходство, он в двадцать четыре года стал адмиралом, а в двадцать восемь командовал шведскими войсками во время Тридцатилетней

войны... Карл Густав был произведен в фельдмаршалы, получил графский титул и во время войны с Польшей и Данией овладел “Замком Гамлета” в Кронбурге, ставшим одним из его трофеев. Среди многих титулов и почетных званий у него было особое — почетного ректора университета в Грейфвальде. В те времена военная добыча была вполне законным делом, и у Карла Густава ее хватило, чтобы воздвигнуть замок в Скокластере (Швеция), где он и был похоронен в часовне».

Прусский генерал-фельдмаршал граф Фридрих Генрих Эрнест фон Врангель (1787–1877) отличился в Лейпцигской битве 1813 года. Он командовал в 1848 году немецкими союзными армиями в Шлезвиг-Гольштинии, в конце этого года возглавил войска против берлинских революционеров. В декабре 1863 года Ф. Г. Э. фон Врангель был назначен Главнокомандующим немецкой армией в войне с Данией, но вскоре, по преклонности своих лет (ему было 76), сложил с себя этот пост. В 1880 году ему был открыт памятник в Берлине.

А. П. Врангель описывает его так:

«Своих немецких сородичей превзошел фельдмаршал Фридрих (или, как его называли берлинцы, “папа Врангель”). Всего двадцати двух лет от роду он был удостоен высшего прусского боевого ордена “За заслуги”... Наибольшую известность ему принесло бескровное подавление революции 1848 года, едва не свергнувшей прусскую монархию, и проявленные при этом отвага, дипломатические способности и находчивость. Был момент, когда находившийся среди возбужденной толпы Врангель был схвачен революционерами, собиравшимися повесить его на фонарном столбе. Видя, что они полны решимости довести дело до конца, Врангель заметил: “Подыщите другой столб, этот ржавый и может не выдержать”. Такие слова вызвали бурю восторга в толпе, что и спасло ему жизнь. В 1870 году фельдмаршал Фридрих Врангель собрался добровольцем на войну с Францией, и прусскому королю стоило немалых трудов отговорить 83-летнего волонтера от участия в кампании».

* * *

Фон Врангелей, оставивших заметный след в их российском Отечестве, гораздо больше. Сначала — о тех, кто не принадлежал к прямым предкам нашего Петра Николаевича.

Генерал от инфантерии барон Карл Рейнгольдович фон Врангель (1742–1824) отличился в 1761 году в Семилетней войне (1756–1763) против Пруссии. А в Русско-шведской войне (1788–1790) в первом морском сражении у Свенскзунда 24 августа 1789 года он командовал канонерскими лодками, сражавшимися со шведскими галерами, и несколько из них захватил, потом в отважном десанте овладел двумя батареями противника, полностью разгромленного и потерявшего 33 корабля.

Профессор русского права барон Василий Егорович Врангель (1784–1841) закончил курс в Дерптском университете, продолжал занятия в Виттенберге и Гейдельберге, затем при будущем графе М. М. Сперанском³ поступил на службу в Законодательную комиссию. В 1811 году он был профессором в Казанском, с 1820 года — в Петербургском университетах и в Педагогическом институте, читал лекции в Царскосельском Александровском лицее. При открытии Императорского училища правоведения был назначен его инспектором, являлся преподавателем наследника-цесаревича Александра Николаевича.

Генерал от кавалерии барон Карл Егорович Врангель (1794–1874) в Отечественную войну 1812 года с французами участвовал в битвах при Смоленске и Бородине. Он участник Польской 1831 года и Венгерской кампаний, в Крымской войне командовал корпусом.

Знаменитый мореплаватель и государственный деятель, адмирал барон Фердинанд Петрович Врангель (1796–1870) получил образование в Морском кадетском корпусе. В 1817–1819 годах он совершил кругосветное путешествие на шлюпе «Камчатка», в 1820 году был назначен начальником экспедиции для исследования северных берегов Восточной Сибири, где провел четыре года и открыл ледяные острова. Описание Крайнего Севера Фердинандом Петровичем было издано в 1839 году, а в 1867 году была открыта земля, намеченная им на карте и получившая название Земля Врангеля. В 1825–1827 годах он совершил кругосветное путешествие на военном транспорте «Кроткий». С 1829 года Ф. П. Врангель был главным правителем Северно-Американских колоний империи — Русской Америки. С 1827 года барон являлся членом-корреспондентом, почетным членом (1855) Императорской Петербургской академии наук, он был одним из учредителей Русского географического общества.

Генерал от артиллерии барон Роман Егорович Врангель (1797–1884) участвовал в Турецких кампаниях 1828–1829 годов, Польской — 1831 года. Был директором Артиллерийского департамента, комендантом Риги.

Адмирал барон Василий Васильевич Врангель (1797–1872) — геодезист, астроном, мореплаватель, гидрограф. С 1855 года он являлся начальником балтийских маяков, а с 1860 года — командиром порта Ревеля. Барон состоял членом-корреспондентом Императорской академии наук и членом Военной академии в Стокгольме.

Генерал от инфантерии барон Карл Карлович Врангель (1800–1872) участвовал в военных действиях против Персии (1827) и Турции (1828), особенно отличился при взятии Карса и Ахалцыха. Участвовал, будучи офицером лейб-гвардии Егерского полка, в Польской кампании 1831 года. С 1838 года семнадцать лет прослужил на Кавказе, командуя Гренадерской бригадой, 21-й пехотной дивизией. Подвигом раненного в берцовую кость К. К. Врангеля

было нанесение поражения его войском 17 июля 1854 года туркам на Чингильских высотах. После войны он возглавлял 4-й, 3-й пехотные корпуса, был командующим войсками Киевского военного округа, в 1862 году назначен членом Военного совета и инспектором войск, с 1869 года состоял при особе Его Императорского Величества Императора Александра II.

А. П. Врангель о нем также пишет: «В течение многих лет воевал на Кавказе, где командовал знаменитым Эриванским гренадерским полком, в рядах которого одно время находилось девять Врангелей... Карл Врангель взял крепость Баязет. Во время Крымской кампании он участвовал в обороне Севастополя против объединенной армии Франции, Великобритании, Италии и Турции».

Пленивший имама Шамиля генерал-адъютант барон Александр Евстафьевич Врангель (1804–1880) — двоюродный дедушка нашего П. Н. Врангеля — участвовал в Польской войне 1831 года, потом вся его боевая судьба была связана с Кавказом. В 1839 году, командуя Эриванским полком, показал блестящую храбрость с самурским отрядом в южном Дагестане. Так же он вел себя раненным пулей в грудь при знаменитом штурме аула Ахульго. До 1853 года барон управлял различными областями Кавказа. На Восточной войне 1853–1855 годов командовал пехотной дивизией, удерживая Шамиля от союзнических действий с турками. В 1858 году генерал управлял Прикаспийским краем, а в 1859 году взял аул Гуниб, захватив Шамиля с четырьмя сотнями мюридов. С 1862 года А. Е. Врангель являлся членом Военного совета.

Об этом бароне, не робевшем сказать правду и при Государе Александре III, рассказывает уже Н. Е. Врангель в своих «Воспоминаниях»:

«Дохтурова⁴ при Дворе не любили... Началось его “невезение” чуть ли не с первых шагов его службы. В пятидесятилетие Бородинской битвы было известно, что Государь намерен потомкам героев двенадцатого года оказать милости, почему в день юбилея на развод собрались все те, которые служили в военной службе. Все эти господа, хотя личных заслуг не имели, были вызваны с фронта и назначены в Государеву Свиту.

— Капитан Дохтуров, — позвал Государь.

Дежурный флигель-адъютант доложил, что его нет. Государь насупился.

— Ваше Величество, — сказал мой дядя, генерал-адъютант Александр Евстафьевич Врангель, известный герой Кавказа, — капитан Дохтуров в моем присутствии был тяжело ранен в бою, в деле, где вел себя героем. Он явиться не мог, так как еще ходить не в состоянии».

Сенатор барон Егор Егорович Врангель (1827–1875), выпускник Училища правоведения, служил в Сенате и являлся директором департамента Министерства юстиции. Он участвовал в деятельности

Особой комиссии по судебной реформе и в совещаниях по введению ее в Царстве Польском, состоял делопроизводителем в Следственной комиссии по делу о покушении Каракозова на государя императора.

Действительный статский советник барон Фердинанд Фердинандович Врангель (1844–1919), сын мореплавателя Ф. П. фон Врангеля, выпускник Морского кадетского корпуса и Морской академии, проводил гидрологические и метеорологические исследования в Англии, Голландии, Германии, США, на Черном море, преподавал эти науки в Морской академии, являлся директором Царскосельского Александровского лицея. Помимо ряда ценных научных работ он опубликовал в 1911–1912 годах в «Морском сборнике» жизнеописание адмирала С. О. Макарова.

Композитор барон Василий Георгиевич Врангель (1862–1901), выпускник Пажеского корпуса, потом закончил Петербургскую консерваторию по классу теории композиции. Он автор популярных салонных романсов, балетов «*Le mariage interrompu*», «Дочь Микадо» (1895–1897). Его произведения настоящие меломаны знают до сих пор.

* * *

Теперь перейдем к прямым предкам нашего героя.

Итак, внук вышеупомянутого шведского фельдмаршала Германа Старшего — ротмистр, потом полковник Герман Врангель был возведен в 1653 году королевой Христиной в бароны и стал называться Герман фон Врангель барон Люденгоф. Интересно заметить, что третьей и последней женой его сына, полковника армии Карла XII барона Георгия (Юргена) Густава (1662–1734), была Елизавета Маргарита фон Пален из рода, с которым потом в России русские Врангели будут активно сотрудничать.

У сына Георгия Густава Ганса (ум. 1754), женатого на баронессе Елизавете Доротее фон Юрген-Стейнберг, и родился сын Георг Ханс (1727–1774), который стал майором в русской армии императора Петра I и женился на Анне Шарлотте Сталь, урожденной фон Хольштейн.

Поручиком русской армии был их сын, барон Карл Герман (1769–1821), супруг Анны Юханы, урожденной фон Мандерштерн, — прадедушка нашего барона Петра Николаевича. А дедушка нашего героя, сын Карла Германа, по-германски назывался Ханс Георг Герман, по-русски — Егор Ермолаевич (1803–1868). Несмотря на эдакую простецкую русскую «транскрипцию», по-немецки он полностью звался: Hans Georg Hermann von Wrangell, Baron zu Ludengof — то есть указывалось и люденхофское баронство, идущее от их пращера.

Егор Ермолаевич фон Врангель родился в Риге, воспитывался в Кадетском корпусе и был зачислен в лейб-гвардии Гренадерский полк, поскольку, как и все Врангели, обладал изрядным ростом. При бунте масонствовавших аристократов-декабристов 14 декабря

1825 года прапорщик Врангель им не сочувствовал. Через три года он вместе с братьями-подпрапорщиками Николаем и Владимиром в составе Гвардейского корпуса пошел на войну с турками. Там все они отличились в схватках под Варной, а дед П. Н. Врангеля Егор получил много ран, но и был отмечен орденами Святых Анны IV и III степеней, Владимира IV степени.

В 1831 году Егор фон Врангель штурмовал Варшаву, за участие в Польском походе его наградили Золотым оружием, Польским крестом «*Virtuti militaria*» и чином штабс-капитана.

В конце того года барон Егор в Ямбурге, недалеко от Петербурга, венчался с баронессой Дарьей Александровной Рауш фон Траубенберг, которая и была потомком одной из ветвей Ганнибалов. Посему не просто так троюродный брат по этой линии Дашеньки Траубенберг поэт А. С. Пушкин упомянул ее прадеда, генерала М. М. Траубенберга, убитого пугачевцами в Яицком городке, в своих «Капитанской дочке» и «Истории Пугачева». Вот каким образом наследникам исконных европейцев Врангелей привились «абиссинские черты» (не только внешность, а и характер, темперамент) Ганнибалов — например, «курчавоволосость», как выражались на этот счет исследователи.

Даже старший сын Егора Ермолаевича, семипалатинский прокурор, потом — секретарь русской миссии в Копенгагене А. Е. Врангель, прославившийся дружбой с писателем Ф. М. Достоевским, писал в своих мемуарах: «Что касается прозвищ, то в Сибири это было в большой моде, особенно между татарами и киргизами: всем давали какую-нибудь кличку; так, у меня было наименование карасакал, т. е. черная борода или, вернее, бакенбарды, которые я в то время носил, и усы, которые, как говорили тогда, носил и я “по вольности дворянской”».

Выйдя в отставку, Егор Ермолаевич служил чиновником для особых поручений при генерал-провиантмейстере Военного министерства, потом являлся дистанционным смотрителем магазинов по Санкт-Петербургской губернии. Как вспоминал его младший сын, отец нашего героя Н. Е. Врангель, он «за высокий рост и ревность к службе пользовался особым покровительством Государя Николая Павловича». Барон Егор Врангель нажил в Ямбургском уезде Петербургской губернии села Лапцы, Терпилицы, поместье Торосово, на Новгородчине купил село Федова за счет многих своих удачных предприятий. Он участвовал в торговых кампаниях и откупах, слал суда с зерном за рубеж, завел прииски в Сибири и завод на Урале, основал хлопкопрядильню под Казанью, наладил бесплатное сообщение с Западной Сибирью, занимался углублением Кронштадтской гавани. В Крымскую войну барон хлопотал по снабжению и экипировке ополчения.

Егор Ермолаевич был среди дворянских инициаторов Петербургской губернии «приносить ежегодно десятую часть своих доходов на покрытие военных издержек во все продолжение борьбы, возбужденной врагами России, и стать в ряды храбрых наших войск»,

и это было отмечено монаршим благоволением в виде Высочайшей грамоты.

С середины 1850-х годов барон Е. Е. фон Врангель — предводитель дворянства Ямбургского уезда. «Колокол» Герцена называл его «крепостником», показавшим «усердие к службе страшным неистовством и побоями». А бывшие крепостные Егора Ермолаевича называли барина «возлюбленным благодетелем» и описывали в газете «Санкт-Петербургские ведомости» так: «Редкая из наших изб не построена им не только из его материала, но и на его деньги. Постоянно доставляемые нам щедрые заработки, для которых мы ежегодно вполне освобождались от исполнения барщины в зимнее время, при крепостном состоянии, а вместе с тем постоянное наблюдение за тщательным ведением наших собственных хозяйств послужили основой настоящему нашему благосостоянию... В трудные годы каждый нуждавшийся обращался к нему с просьбой о денежном пособии на покупку скота и семян с полной уверенностью, что ему в таковом не будет отказано, если только просьба эта вызывалась действительною нуждою».

Когда у земства не хватило денег на местное шоссе, действительный статский советник, почетный мировой судья Е. Е. Врангель вложил свои деньги в постройку новой дороги. Много разносторонних забот было у него, как здешнего дворянского предводителя, и потому, что издавна славились, а значит, требовали внимания, поддержки производства ямбургские стекольщики.

В «Указателе Фабрик и Заводов Европейской России и Царства Польского»⁵, изданного в Санкт-Петербурге в 1887 году, сообщается, что в Ямбургском уезде Петербургской губернии стекольное производство располагается на заводах в деревне Порхово и на мызе Сержине в Горской волости, на мызе Великино у реки Городенки Котельской волости, в деревне Колосково у реки Колосковки, а также на мызе Мунково.

Ямбургские стекольные заводы, как мы можем узнать из данного Указателя и приложенных к нему описей, состояли из трех отделений: в одном готовилось литое зеркальное стекло, во втором производилось методом выдувания зеркальное и оконное стекло, в третьем вырабатывалась хрустальная посуда. Они являлись целым «стекольным комбинатом». Цех литого зеркального стекла представлял собой каменную гутту («палату каменную»), в которой находилась стекловаренная печь на четыре горшка, четыре отжигательных печи и одна печь для обжига горшков. Отливка зеркального стекла производилась с прокаткой валом на медной доске, имеющей вес «по подписи сто семьдесят пудов семь фунтов».

Среди инструментов, применявшихся во время литья зеркального стекла, был «ворот со всем инструментом, которым горшки поднимают», «один блок железной, на котором зеркальные стекла размахивают», приспособления для вращения прокатного вала и другие.

Отделение, в котором вырабатывалось выдувное зеркальное и оконное стекло, находилось также в каменном помещении. В нем были установлены стекловаренные печи на три горшка, печи для обжига горшков и печи для отжига оконного стекла — «оконишных кругов». В пристройке к гутте находились три каленицы для отжига выдувных зеркальных стекол.

Хрустальная посуда производилась в деревянном амбаре, крытом тесом. Стекловаренная печь для варки хрустального стекла была на пять горшков. К амбару делались две пристройки: в одной находилась каленица для отжига хрусталя, в другой «материю составляли». Белый песок хранился в каменной каморке, пристроенной к чулану.

На заводах было много других производственных построек, в которых делали горшки для варки стекла, белый кирпич для печей, мололи материалы и белую глину, обжигали «материю» — «фритту», хранили песок. В одном из амбаров располагалось шлифовальное отделение, в котором «точили» зеркальные стекла.

Ассортимент изделий посудного цеха самого старого в Ямбургском уезде Жабинского стеклянного завода, основанного в Петровские времена, до 1717 года, в деревне Жабино, был очень большой. Так, например, еще в 1722 году завод выпускал: рюмки пивные с крышками и без крышек, рюмки винные и водочные разных размеров, стаканы пивные, водочные, разные бутылки, лампы, солонки, огуречные чаши, карманные «фляжи» (фляги), чернильницы и т. д. Изготавливались также методом отливки в медной форме фонарные стекла и пуговицы, для которых имелись специальные инструменты.

Огнеупорный печной припас на Жабинском заводе производили из белой гжельской глины. Из белой же глины делались и стекловаренные горшки. В 12-м листе заводской описи, например, указано, что в гончарной хранилось необожженных горшков: для оконного стекла — 36, для литого зеркального стекла — 12 и для посудного стекла — 24.

* * *

Нам следует особенно внимательно присмотреться именно к Егору Ермолаевичу, деду П. Н. Врангеля, потому что по нраву, складу личности, офицерской храбрости, хозяйской толковости, верноподданническим монархическим чувствам наш герой — истинный наследник дедушки, а не своего либерала-отца. Тут была яркая иллюстрация тургеневских «Отцов и детей» с неприятным душком для родовитых семейств, где безоговорочно уважают фамильное: Егора Ермолаевича поносил Герцен, а сын Е. Е. Врангеля Николай Герцена обожал.

Вот как аттестовал своего отца и его эпоху барон Николай Егорович в своих мемуарах:

«Выбранный в Предводители дворянства Ямбургского уезда, двадцать с чем-то лет оставался на этом посту, распоряжаясь и властвуя в уезде чуть ли не самодержавно.

Обремененный делами, вечно в разъездах, он семейству мало уделял внимания, редко бывал дома. Властный, самолюбивый, вспыльчивый, невоздержанный в проявлениях своих чувств, он, хотя был добр и отзывчив, побуждал всех относиться к нему с опаскою, и его больше ценили и уважали, нежели любили...

Прирожденные качества развиваются в зависимости от окружающей атмосферы, и в итоге, за редкими исключениями, человек лишь отпечаток своего времени. Все мертвящий дух Николаевской эры, руководящим лейтмотивом коей было насилие над чужой душой, наложил на отца свой отпечаток... Великодушного, доброй души человека превратил в домашнего тирана... Своим великодушием отец гордился, но доброту принимал за слабость и, боясь ее обнаружить, тщательно скрывал под маской напускной суровости... С нами, как, впрочем, и со всеми, которых он считал себе не равными, — чиновниками, мелкими дворянами и крепостными, — он обращался одинаково, безапелляционно, повелительно, спокойно, когда бывал в хорошем расположении духа, и резко неприятно, когда встал с левой ноги...

Под таким владычеством жить было нелегко, а между тем он желал добра, хотел видеть людей счастливыми и что мог, конечно, в пределах не нашего, а современного понимания для этого делал. Для своей семьи он ничего не жалел, чужим щедро помогал, притесняемых властями защищал, пристраивал вдов и сирот и, когда это не удавалось, содержал на собственный счет. Крестьяне его жили богато, процветали, а дворовые были хорошо одеты, хорошо обуты и сыто накормлены... Но попечения его о счастье рода людского имели объектом только физического человека. Как и большинство его современников, он смотрел на людей исключительно как на существа только телесные...

Как предводитель дворянства, отец оставил после себя добрую память не только среди дворян, но и во всех слоях населения. «И на пинки, и на добрые дела был тароват покойник, — говорили о нем, — за ним жилось как у Бога за пазухой».

О крепостном праве люди, не знавшие его, судят совершенно превратно, делая выводы не по совокупности, а из крайних явлений, дошедших до них, и именно оттого дошедших, что они были необыденны. Злоупотребления, тиранства, все это, конечно, было, но крепостное право было ужасно не столько по своим эпизодическим явлениям, как по самому своему существу. И в то время не только крепостные, но и вся Россия была в крепости...

Крепостной режим развратил русское общество — и крестьянина, и помещика, — приучив их преклоняться лишь пред грубой силой, презирая право и законность. И грубая сила стала краеугольным камнем всего русского строя. Строй этот держался лишь грубым насилием... Палка стала при Николае Павловиче главным орудием русской культуры...»

Да, впечатление такое, будто читаешь не представителя одной из лучших российских дворянских фамилий, а затрапезный «агитпроп» из тысяч тонн марксистско-ленинской пропагандистской макулатуры, сыпавшейся на головы несчастных русских людей в советское время⁶. И эдак Николай Егорович отзывается о середине XIX века, когда расцвело творчество великого русского писателя Ф. М. Достоевского, московских славянофилов⁷, таких мыслителей, как С. Т. Аксаков⁸, А. С. Хомяков⁹, И. В. Киреевский¹⁰. А блестящие поэты Е. А. Баратынский¹¹, Н. М. Языков¹², В. А. Жуковский¹³, которые тогда только что ушли, уходили из жизни, выплеснув все свое зрелое творчество? Именно в те якобы «все мертвящего духа» времена был прекрасный прорыв в российском богословском образовании, духовной утонченности на самом высоком уровне: митрополит Филарет (Дроздов)¹⁴, святитель Феофан Затворник¹⁵, святитель Игнатий (Брянчанинов)¹⁶, «всероссийский батюшка» святой Иоанн Кронштадтский¹⁷.

О том, что барон Николай Егорович выглядел белой вороной в вековых вереницах Врангелей, сообщает и его внук Алексей Петрович в книге своих воспоминаний: «Читателей, верящих в наследственность, не удивят воинские доблести представителей рода Врангелей, проявлявшиеся в каждом поколении. Читатели, которые в это не верят, по-своему тоже правы: отца Петра Врангеля можно было назвать кем угодно, но только не солдатом: сибарит, повеса, знаток и любитель искусств — он являл собою полную противоположность своим предкам».

* * *

Как же сие «время... насилия духа и отрицания души, время розог... дикого произвола, беззакония», что еще указано в воспоминаниях Николая Егоровича, влияло на мемуариста — тогда маленького Колю Врангеля, будущего папу нашего барона?

Мать его, родственница Ганнибала и Пушкина, Дарья Александровна, «женщина редкой красоты», «ангел доброты и кротости», умерла, когда мальчику было четыре года. Зато летом в ябургском имении Терпилицы, зимой в Петербурге его пестовала большая, многообразная семья и ее окружение: четверо братьев, трое сестер, няня, две гувернантки, французенка и немка, немец-гувернер. Мемуарист Николай Егорович также красочно сообщал:

«Жили у нас еще две тетки, старые девы, сестры отца. Одна тетя Ида, которую за глаза все звали “тетей не Идой, а Ехидой”, была препоганая, злющая старуха, напоминающая высохшее чучело жирафы... Другая — тетя Женя — и летом, и зимой жила у нас в деревне; она когда-то, еще при супруге Императора Павла — Марии Федоровне воспитывалась в Смольном монастыре и малолетней институткой осталась на всю жизнь. На мужчин, дабы ее не сочли “за кокетку”,

боялась взглянуть, на вопросы отвечала краснея и опуская глаза, как подобает “девице”... Нас всех, в том числе брата Сашу, дипломата, и Мишу, конногвардейца, называла “машерочками” и взялась за какое-нибудь дело считала ниже своего дворянского достоинства.

— Тетушка, который час? — нарочно то и дело спрашивали мы.

— Я, ма шер, слава Богу, этому еще не научилась. На то есть горничные, — следовал ее неизменный ответ.

И хотя часы стоят тут же рядом, и мы сами могли бы удовлетворить свое желание, кличет свою Машу — посмотри, мол, и доложи молодым господам, который теперь час.

Но в этой придурковатой, смешной старушке жила геройская ан античная душа. Когда ей было уже 60 лет и оказалось нужным сделать операцию весьма мучительную, она от хлороформа по принципу отказалась.

— Когда женщине моего рода и племени предстоит опасное, она не должна бояться ни боли, ни смерти, а глядеть им прямо в глаза...

Главой дома по законодательной части считалась восемнадцатилетняя старшая сестра Вера, официально заменявшая мать, а по части распорядительной — дородный, бритый, осанистый министр-дворецкий из наших крепостных, которого отец звал “Петровым”, а остальные — Филиппом Петровичем, хотя “ич” было привилегией одних господ дворян, а прочих людей величали на “ов”.

Поместье Врангелей имело отличный парк и фруктовый сад, на фоне которых хозяйка Дарья Александровна прощалась с домашними, отъезжая за границу умереть от болезни. И вот какова эта сцена в условиях «развратного крепостнического режима»:

«Карета останавливается, мы к ней подбегаем, и нас, двух маленьких — сестру Дашу и меня, — на руках подносят матери; она плачет, нас целует и еще целует, потом обнимает няню, которая тоже плачет. “Береги...” — но продолжать не может и припадает губами к руке старой крепостной».

Вот как по этому завету ведет себя нянюшка с хозяином дома, семьи «повелителем, Юпитером Громовержцем, которого боялись», что еще указывает о своем отце Николай Егорович. Когда его брат, конногвардеец Михаил, для развлечения «исподтишка от няни... “накатил” шампанским, да чуть ли не допьяна», Колю и Дашу, Егор Ермолаевич решил детей высечь:

« — Няня, принеси розог.

— Так я их и дам, — сердито сказала наша няня. — Вы бы лучше высекли свое сокровище — Мишеньку.

— Что? — грозно крикнул отец. — Да ты, старая, с ума, что ли, сошла!

Но няня ничуть не смутилась:

— Мишенька один виноват.

— Молчать, неси розги.

Но няня не двигалась.

— Не слышала?

— Пальцем тронуть не дам, — спокойно сказала няня. — Мне их поручила покойная, я за них ответственна перед Богом.

— Ну, ну, — сказал отец и ласково потрепал няню по плечу. — Ну, веди своих пьянчуг гулять».

О старшем брате Николая Егоровича (но среднем после самого старшего Александра, друга Достоевского) — тогда офицере Конного полка бароне Михаиле Егоровиче фон Врангеле — стоит сказать подробнее. Это связано с тем, что он, в отличие от этого своего младшего брата, унаследовал монархический идейный склад и крутой врангелевский характер их отца Егора Ермолаевича, какой его выделял среди всех своих детей: Александра, Веры, Георгия, Анастасии, Николая, Доротей. Вполне понятно, отчего впоследствии М. Е. Врангель станет генерал-губернатором, а в 1918 году сыновей его Михаила и Георгия красные убьют. Причем Георгий Михайлович (дед Н. Л. Врангель-Бецкой и С. Л. Врангеля, о московской встрече с которыми автора рассказано в начале этой книги) будет застрелен на глазах его матери, жены и малолетних детей со всевозможными надругательствами в его родовом имении Торосово Петергофского уезда Петербургской губернии.

О дяде нашего барона П. Н. Врангеля Михаиле Егоровиче пишет в своих мемуарах Николай Егорович следующее:

«Главным нашим мучителем, но вместе с тем и любимцем, был брат Миша — идол не только семьи, но всех, особенно женщин... Он был красив, даже красавец, остроумен, славился ездой и особенно очаровывал своей игрой на фортепьяно. “Играет как молодой бог”, — говорил о нем Рубинштейн. Отец в нем души не чаял, им гордился, и ему все было позволено. Этому всеобщему кумиру казалось, что вся вселенная была создана исключительно для его забавы, а потому, когда он приезжал, не находя больших дома, заходил в детскую. За неимением лучшего, забавляются же взрослые собачками и обезьянками, а он детей любил, находя их, вероятно, куда потешнее этих зверей.

— Здорово, молодцы-клопы!

— Мишенька! Мишенька пришел! — в восторге кричали мы и бросались его тормошить.

— Явился красавчик! — качая головой, говорила няня. — Ты бы хоть Бога побоялся, срамник. Опять доведешь детей до слез.

— Да что ты, няня! Я только посмотреть на зверьков.

— Знаю тебя, голубчика! Не впервые, слава богу, вижу.

И начиналась потеха. Миша нас обучал фронту, учил французским куплетам, за которые потом нас наказывали, давил нам нос, подбрасывал до потолка, крутил за ноги и дразнил... И чем более мы выходили из себя, тем громче хохотал... Забава, начавшаяся весе-

льем, обыкновенно кончалась слезами, и тогда Миша называл нас «ревами и плаксами» и уходил играть на рояли или садился в сани и на своем лихом рысаке ехал искать новых развлечений».

* * *

Петербургская резиденция фон Врангелей тоже была в классике богатых аристократических русских семей того времени:

«В городе мы занимали большой дом... в котором совсем не было уютных жилых комнат, а казалось — одна анфилада гостиных. В этих хоромах по стенам торжественно расставлены были столы с холодными мраморными плитами, мебель красного дерева и карельской березы на матовых черных львиных лапах с локотниками, кончающимися головами черных сфинксов и арапов, консоли с алебастровыми и мраморными урнами, стройными вазами Императорского фарфорового завода, тяжелыми позолоченными канделябрами, подставками с большими часами, над которыми юные весталки приносили жертвы и римские воины в шлемах поднимали руки к небу. Между окнами висели большие, во весь простенок, зеркала, на стенах — портреты Царских лиц и картины в тяжелых золоченых рамах».

Однако символически звучащее название Терпилицы — это их поместье в Ямбургском уезде Питерской губернии — было «детским раем»:

«И детская в деревне не такая, как в городе: светлая, веселая, просторная; в окна глядят сирени, на деревьях чирикают птички, солнечные блики “зайчики” ползут по стенам. И весь дом не похож на городской. Тут подобрано все не как в Питере для показа, а для домашнего уюта, для себя. На мебель тянет спать, покачаться на мягких пружинах...

А в комнатах мамы как хорошо! Там все осталось, как было при ней. Стены обтянуты гладким зеленым штофом, так красиво гармонирующим с чуть-чуть более темной мебелью с темно-красными разводами. На одной стене большие портреты деда Ганнибала и бабушки; он смуглый, почти табачного цвета, в белом мундире с Владимирской звездой и лентой. У него чудные глаза, как у газели, и тонкий орлиный нос. Бабушка — темная блондинка в серебристом платье и высокой-высокой прическе. На другой стене еще больший портрет всей нашей семьи... Все на портрете ужасно смешные. У отца и братьев высокие коки на голове, точно хохлы у куриц, и узкие-узкие шеи, туго обмотанные галстуками, из-под которых в самые щеки упираются острые воротники. У ног отца левретка, похожая на змею, лапой чешет ухо.

На других стенах тоже висят маленькие картины, миниатюры, рисунки. Вот карикатура Орловского на дядю Александра Пушкина; он, одетый пашой, в кофточке, чалме, едет верхом на белом арабчике. Вместо сабли у него громадное перо. Собака во ошейнике с надписью

“завистник” лает на него. На дереве сидят вороны с человеческими головами, а на ветке написано “клеветники”.

Комнаты наполнены уютными маленькими диванчиками, козетками, пузатенькими комодами, низкими многоэтажными столиками, жардиньерами с цветами. Даже у отца в кабинете не страшно, а уютно. Там много-много гравюр и много литографированных портретов разных тетушек и дядей. Большинство из них работы нашего Калыны... необыкновенно одаренный всякими талантами наш крепостной».

В «показушном» питерском доме произошла тяжелая ссора с отцом Николая, уже готовившегося поступать в Училище правоведения, породившая неприязнь между ними на всю жизнь. Вдовец Егор Ермолаевич имел любовницей горничную Соню, которая умерла при родах их младенца. Поистине свободолюбиво чувствующий себя юнец решил попенять этим отцу:

«Он (отец. — В. Ч.-Г.) обратился ко мне:

— Пойди позови горничную, пусть все это унесет.

Я хотел уже бежать, но вдруг остановился. Бледное, искаженное страданием лицо Сони и то ужасное, покрытое платком, мелькнуло предо мною.

— Ну, чего стал? Живо, зови горничную.

Но я подошел к отцу, и прямо посмотрел ему в глаза, и спросил как можно спокойнее (в груди у меня сердце ходило ходуном):

— Какую горничную? Соню? Она вчера родила ребенка и умерла.

Отец отступил назад, побледнел, стал багровым и со всего размаха ударил меня по лицу.

— Я, я тебя... — и вышел».

Теперь посчитавший себя оскорбленным Николай решил покончить с собой и выбросился из окна второго этажа.

После того как младший Врангель выздоровел, его отправили учиться в Женеву, и вот как беспощадно («за все несправедливое», очевидно — «крепостническое») сын простился с отцом:

«Накануне моего отъезда в Швейцарию он вернулся, и мы нечаянно встретились на лестнице. Я спускался один в комнату Саши, он поднимался; за несколько ступеней от меня он остановился. Стал и я. Мы стояли почти на одном уровне, лицом к лицу, пытливо оглядывая друг друга.

— Ты уже собрался? — спросил он.

Голос его звучал мягко и грустно.

— Собрался.

— Ты ничего не имеешь мне сказать?

— Ничего.

Черты его лица как будто дрогнули, и мне ужасно стало его жалко, и в моей груди болезненно заныло... Я готов был броситься ему на шею, все забыть, все простить, даже полюбить, но мне вспомнилось все жестокое, несправедливое, причиненное не мне одному.

Нет! Я забыть и простить не могу! И я холодно посмотрел ему в глаза. Мгновение — вечность мы простояли так. И мы оба поняли, поняли, что между сыном и отцом, между сильным и слабым, старым и новым происходит что-то решающее, жестокое. И слабый победил. Сильный понуро опустил голову.

— Ну-у! Прощай! — тихо сказал отец.

— Прощайте».

«Новое» — либеральное, демократическое, западничество, — увы, побеждало «старое» — православное, монархическое, свято-русское — во второй половине XIX века и в душах многих русских аристократов. Так и барон Николай фон Врангель в эмигрантской революционной среде, «невзирая на... семнадцать лет, был... старый республиканец», «ярый поклонник Герцена». Поэтому его удостоили чести быть представленным самому Бакунину, прибывшему в Женеву. Его речи Николай слушал в пивной с «эстрады, украшенной красным кумачом, красными флагами», а потом — на товарищеском пиру в кабачке.

В результате Николай Егорович стал пылким «прогрессистом». Однако любой более или менее осведомленный в догматике веры Христовой знает, что в морально-нравственном плане человеку «полезнее» стремиться не на «передовое», наоборот, к «регрессу» — оглядываться назад, равняться не на «передовое» измельчание характеров, а на утрачиваемую нами людскую целостность, гармонию ранних времен христианства. Речь, конечно, идет об истинно русских, перевитых укладом и духом своей жизни с Православием, верой в истинность Царственного, а не демократического устройства жизни.

Итак, Николай Врангель, получивший в 1868 году после окончания в Германии Гёттингенского университета степень доктора философии, очевидно, тогда, как и в итоговых мемуарах своей жизни, утверждал:

«Резюмирую: прогресс — есть результат борьбы, направленной против неравноправия. Такой борьбы в период от Петра I до Александра II в России не было... Борьбы быть не могло; в России существовало только два сословия: дворянство и податное, оба к борьбе негодные. Дворянство уже обладало тем, что ему было нужно, или, по крайней мере, довольствовалось тем, что уже имело. Они выклиничивали милости, но приобрести политические права еще не мечтали...

Народ “безмолвствовал”... Элементов для борьбы и прогресса не было. Третье сословие, или, как оно себя именovalo, “интеллигенция”, возникло только после реформы Александра II¹⁸. Но между русской интеллигенцией и западной буржуазией существовала разница. Буржуазия была организм, созданный потребностями самой жизни для осуществления реальных интересов, организм, постепенно сложившийся, культурный, зрелый, понимающий свою задачу и потому достигнувший своей цели...

Пока еще незрелая, некультурная, неуравновешенная интеллигенция не обладала еще нужными качествами буржуазии, чтобы действительно стать рычагом прогресса, но нетерпеливая, как все молодое, горевшая желанием скорее сыграть свою роль, она с первых же шагов впала в роковую ошибку: пошла не по пути, указанному ей историей, не сумела стать рычагом прогресса, примкнула не к мирной революции, начатой царем-освободителем, а стала проповедовать революцию насильственную...

Будь во время реформ в России настоящая прогрессивная буржуазия, а не незрелая интеллигенция, Россия пошла бы иными путями, и вместо хаоса настал бы рассвет».

Благосклонно писал о новом появлении 22-летнего Николая Врангеля в Женеве Н. П. Огарёв¹⁹ своему другу А. И. Герцену в 1869 году: «Прибыли некто барон Врангель и Бларамберг (молодые люди, с виду совершенно благопристойные), Врангелю хочется издать в Петербурге твои прежние сочинения (Крупова, письма об изуч. природы и пр., кроме “Кто виноват?”)... Врангель предлагает процент, какой ты положишь с продажи, или какое иное условие?... В[рангель] привез Тате (дочери Герцена. — В. Ч.-Г.) портрет Захар[ьина]²⁰ и письмо, которые при сем прилагаются, и портрет К.».

Тем не менее благодаря книге внука Н. Е. Врангеля Алексея Петровича «Генерал Врангель: доверие воспоминаний» мы имеем возможность пошире взглянуть на эту многообразную личность:

«Он встречался с Александром Дюма²¹, княгиней Полиной Меттерних²², которая тогда олицетворяла Вену, а также с принцем Уэльским, будущим королем Эдуардом VII²³. Принц Эдуард не упускал случая вырваться из душной атмосферы викторианского Лондона. Однажды, когда принц и Николай Врангель спускались по мраморной лестнице одного из наиболее известных борделей Парижа, один из них оступился, оба упали, в результате Николай сломал ногу, а принц — несколько ребер.

Другой случай произошел с Николаем в Монте-Карло, где, проигравшись в пух и прах, он покинул казино, чтобы послать домой телеграмму с просьбой выслать денег. По пути к отелю он встретил другого русского, князя Голицына. “Что вы здесь делаете?” — спросил он. “Проиграл все деньги и собираюсь телеграфировать домой”, — ответил Голицын. “Давайте пошлем одну телеграмму на двоих, а на оставшиеся деньги сделаем еще одну ставку”, — предложил Николай. Оба вернулись в казино, и фортуна им улыбнулась: они набили луидорами все карманы и даже шляпы».

* * *

Доктор философии Николай Врангель, вернувшись в «новую Россию», как он потом это в мемуарах выделил, видит глубочайшую по своей жизненной философии сцену. Однако и наглядность, как

всегда, его не убеждает в народности барина-отца, а не его — прогрессиста. Вот она:

«Мы ехали по вновь построенному шоссе, которым отец очень гордился. Шоссе было построено по его почину и частью на его личные средства. У земства денег не хватило. За нами в тарантасе-“натычанке” ехал исправник...

Отец был в хорошем расположении духа и оживленно рассказывал о последней сессии Мирового съезда.

— Ты помнишь нашего соседа такого-то?

— Ивана Ивановича? Как же, разве старик еще жив?

— Живет; на три дня пришлось его приговорить к аресту: дал оплеуху своему лакею. За обиду действием по новому закону полагается арест. Жаль старика, но ничего не поделаешь. Закон. Да и правильно. Пора положить этому безобразию конец. Много лишнее мы себе позволяли...

Экипаж качнуло.

— Стой! — крикнул отец.

Мы остановились.

— Сиди. Я сейчас. — И старик, кряхтя, вылез из коляски; исправник кубарем выскочил из своей натычанки и собачьей рысью подбежал к нему.

— Приведет его в крестьянскую веру, — обратясь ко мне, веско сказал наш старый кучер. — Им, исправнику-то, поручили наблюдать за постройкой дороги, а он на ней только руки погрел. Три тысячи с подрядчика, говорят, содрал, а поглядите, накатка-то какая. Чистый разбой, а не накатка.

Отец шагал по дороге, то и дело сердито тыкая шоссе палкою. Исправник что-то почтительно докладывал. И вдруг отец поднял свой костыль и несколько раз ударил исправника со всего плеча.

— Благословил-таки, — радостно сказал кучер. — Поделом ему. Не воруй.

Отец молча сел в коляску.

— Трогай.

Мы покатали.

— Стой!

Коляска остановилась.

— Вы. Пожалуйте сюда.

Исправник, держа руку у козырька, подбежал и, видно робея, на почтительном расстоянии остановился.

— Ближе! Ближе! Говорят вам, ближе! Не слышите?

Исправник побледнел, но подошел вплотную.

— Драться, — спокойно сказал отец, — ныне законом запрещено.

— Помил...

— Молчать! Когда я говорю, извольте молчать. За мой поступок я подлежу ответственности, и вы можете жаловаться. Порядок обжалования вам известен. Оправдываться я, конечно, не стану. Трогай.

Мы тронулись.

— Этакый мерзавец, — сказал отец. — Но дельный парень, а дельных у нас немного. Не удержался. Разом себя не переделаешь. Да и как тут быть? Конечно, драться нехорошо, но и спуску мошенникам давать не приходится, а под суд отдавать жалко: и семья у него большая, и парень дельный. Еще на худшего попадешь».

На эдаком, так сказать, куске жизни куда очевиднее Врангелю-младшему, что в основе человеческих взаимоотношений лежали, лежат и будут находиться лишь Божьи законы совести, а не придуманное самими людьми некое равноправное законничество. А когда несбыточные Свобода, Братство, Равенство демагогически восторжествуют в мире, это и будет конец его. Однако Николай Егорович предпочитал жить по своим иллюзиям, разбитым в пух и прах лишь большевизмом.

В родной Империи барон Н. Е. Врангель сначала отслужил три года по ведомству министерства внутренних дел в канцеляриях Калиша и Вильно. Произошло это с легкой твердой руки его брата Михаила Егоровича, ведущего в семье «самодержавную» отцову линию, которая отразится и на складе убеждений, характера его племянника Петра, чудесно «обогнув» либерального Николая Егоровича. А он начало этой тягостной для него бюрократической канители, где «демагогически прекраснодушен», а его брат прям и прозорлив, так описывает:

«При встрече с братом Мишей, который был уже генералом и губернатором, я ему передал о моих планах и просил его совета.

— Миша, — сказал я, — я не ищу ни карьеры, ни денег, я хочу одного, быть полезным родине, — это моя единственная цель.

— Какая же это цель? — сказал Миша. — Это не цель, а фраза из некролога. Только в некрологах пишут: “Полезна родине была единственной целью этого замечательного человека”. Я видел тысячи людей, умирающих на полях битвы, и ни один из них не имел целью быть убитым для пользы родины; они просто умирали, исполняя свой долг. Делай добросовестно дело, которое ты выберешь, какое бы оно ни было, и будешь полезен родине.

— Какое бы оно ни было?! По-твоему выходит, что, займись я массовым истреблением клопов или сажай я картофель, я буду столь же полезен, как ты, который управляет целой губернией.

— Конечно, ты окажешь России реальную пользу, ибо клопы больно кусаются и беспокоят россиян; а чем больше будет картофеля, тем страна будет богаче. Насколько же мое губернаторство полезно или вредно — одному Аллаху известно.

— Зачем же ты взялся за губернаторство, а не за истребление клопов?

— Да просто оттого, что я честолюбив, хочу сделать карьеру.

— А я хочу служить государству. Куда мне поступить?

— Этого я тебе сказать не могу. Никогда на гражданской службе не служил и тебе не советую — последнее дело. А если непременно

хочешь, я тебя познакомлю с моим вице-губернатором — он в этих вопросах дока. Чиновник в квадрате. Но лучше брось. Ты не выдержишь и через год-другой уйдешь.

Чиновник в квадрате, о котором говорил брат, назывался Иван Логгинович Горемыкин²⁴, впоследствии тот знаменитый премьер-министр, который после чашки чая, обещанной Государственной думе взамен программы, стал посмешищем Европы.

У Миши в этот день, кроме Горемыкина, обедал и товарищ его по Генеральному штабу — князь Щербатов, калишский губернатор. Горемыкин на все мои вопросы отвечал любезно и обстоятельно, но ничего мне не разъяснил. Из его слов выходило, что нужно сделать одно, но, принимая в соображение разные обстоятельства, — совершенно другое.

— Уж эти мне чиновники! — сказал Щербатов, когда Иван Лонгинович уехал. — Ты спросишь его, который час, а он тебе обстоятельно доложит, как измеряется время, как изобрели часы, какие бывают системы часов, — но который час, он тебе никогда не скажет. Вы, барон, хотите служить? Идите ко мне чиновником особых поручений. У меня как раз вакансия.

— А в чем будут состоять мои обязанности, князь?

— Конечно, в ежедневном спасении России, — сказал Миша, который теперь не упускал случая меня подразнить.

— Извольте ли видеть, — сказал Щербатов, — губернатор, особенно в Польше, Робинзон Крузо, выброшенный на необитаемый остров. Но остров хоть и обитаем, но для сохранения своего престижа Робинзон должен якшаться с жителями как можно меньше, а то они его приручат и проглотят. И вот для утешения его в одиночестве и сношения с дикарями судьба ему прислала верного Пятницу; этим единственным Пятницей будете у меня вы.

— Слава богу, — сказал Миша, — а то у тебя, князь, часто и по пяти пятниц на одной неделе бывает. А ты, брат, не зевай и соглашайся. Для начала лучшего не найдешь».

* * *

Потом Николай Егорович фон Врангель недолго служил в лейб-гвардии Конном полку вольноопределяющимся, или «вольнопером», как тогда говорили. Все это не было близким барону «с душою прямо гёттингенской», по выражению Пушкина. Но вполне органичным стало его увлечение писательством, и Николай Егорович сочинил две драмы из эпохи Смутного времени: «Петр Федорович Басманов», «Марина Мнишек», изданных в 1886 году, а спустя три года вышел в его переводе «Фауст» Гёте.

Однако поклонник «прогрессивной» буржуазии, сын удачливого Егора Ермолаевича, наконец все же «примкнул к промышленным предприятиям», устроившись в Русское Общество пароходства и тор-

говли (РОПИТ). Николай Егорович получил хорошую должность, потому что протезировал ему сюда близкий друг семейства Врангелей, возглавлявший РОПИТ, адмирал Н. М. Чихачёв²⁵, известный и как путешественник-натуралист, один из первых исследователей природы северного побережья Охотского моря.

Компания РОПИТ была основана в 1856 году, когда с Высочайшего соизволения Его Императорского Величества был утвержден Устав. К концу века Общество насчитывало 83 судна, из которых 47 были почтово-пассажирскими. Общество начинало с того, что занималось организацией перевозок паломников к святым местам в Палестину, приняв на себя решение всех вопросов, связанных с их размещением и питанием. Интересно, что закончилась деятельность компании именно потому, что ее суда вывезли Русскую армию генерала барона П. Н. Врангеля из Крыма в Турцию и ушли во Францию. Очевидно, повзрослевший до главнокомандующего сын бывшего чиновника РОПИТа Николая Егоровича не забыл возможностей дела, которым занимался папа как раз перед его появлением на свет.

Со временем РОПИТ превратился в некую самостоятельную державу. Почтовый департамент заключил с компанией в 1862 году особый договор, по которому «Общество в вознаграждение за прием и выдачу писем в портах Турции, Египта, Болгарии, Ливии и других стран Востока получало 25 % сборов, поступающих в почтовый доход за пересылку корреспонденции по Черному морю».

РОПИТом были учреждены рейсы между Таганрогом, Феодосией и Константинополем, Редут-Кале и Трапезундом, его суда стали заходить и в Дарданеллы, Хиос, Латакию, Триполи, Яффу и многие другие порты. На более чем восьмидесяти судах флота компании для сопровождения корреспонденции, отправлявшейся на пароходах, стали посылать почтальонов. Потом появились специальные почтовые чиновники, свои почтовые штемпеля.

С 1867 года Русскому обществу пароходства и торговли были переданы все почтовые операции на Востоке. Выручка за перевозку простых и страховых писем и бандерольных отправок, следующих из России на Восток, шла полностью почтовому управлению империи, как и казенная корреспонденция перевозилась на пароходах РОПИТа бесплатно. Зато плата за письма, идущие с Востока в Россию, целиком поступала Обществу.

В договоре говорилось также о том, что при каждом агентстве РОПИТа Общество должно иметь вывеску «Русская почта». Таким образом, агентства представляли собой филиалы российской почты за рубежом, компания с разрешения Почтового департамента даже выпустила свои почтовые марки. В договоре между Почтовым департаментом и РОПИТом от 8 июня 1872 года говорится:

«Ст. 5: ...Марки (Русского Общества) должны служить исключительно для оплаты: а) корреспонденции, следующей с Востока в Рос-

сию; б) пересылки морем до Одессы корреспонденции, следующей из турецких портов в Европу транзитом через Россию. За доставку же от Одессы за границу оплата производится только государственными почтовыми марками, которые могут быть приобретены Обществом по номинальной цене».

Понятно, почему в 1877 году именно в базовом «ропитовском» городе Одессе барон венчался с Марией Дмитриевной Дементьевой-Майковой.

Она, будущая мама нашего П. Н. Врангеля, была потомственной дворянкой, дочерью гвардейского ротмистра Дмитрия Дементьева-Майкова, чей род был связан с семеновским офицером, приятелем А. П. Сумарокова²⁶, поэтом, масоном Василием Ивановичем Майковым²⁷ (1728–1778); с критиком и публицистом, петрашевцем²⁸ Валерианом Николаевичем Майковым²⁹ (1823–1847) и, наконец, с самым знаменитым из этого родословца — поэтом Аполлоном Николаевичем Майковым³⁰ (1821–1897), противником революционных демократов. А по матери Мария Дмитриевна происходила из рода Полторацких. Ее дед, Сергей Дмитриевич Полторацкий, был библиофилом и описал свои встречи с Пушкиным:

«У меня была рукопись этого стихотворения “Вольность”. — В. Ч.-Г.) с 1821 года, я ее показывал Пушкину в Москве в сентябре 1826 года в нашем доме за Калужскими воротами и просил его посмотреть и поправить. Но он не исполнил моей просьбы и не хотел взглянуть на оду. Но умилился в отношении своего стихотворения “Кинжал”. Увидев на странице 106-й (рукописной книжки in = 8), что “Кинжал” не дописан, Пушкин взял перо и написал последние семь стихов с половиною и под ними подписался “Не А. Пушкин”».

Кузиной Сергея Дмитриевича являлась замечательная пушкинская знакомая Анна Петровна Керн, урожденная Полторацкая, хранившая такое прекрасное произведение поэта, как «Я помню чудное мгновенье...»

Первый сын Николая Егоровича и Марии Дмитриевны, герой этой книги Петр Врангель, как мы уже отмечали, родился 15 августа 1878 года в городе Ново-Александровске Ковенской губернии Российской империи, теперь знаменитом в Литве как курортное место Зарасай. Этот озерный край лежит на северо-запад от Вильнюса, называвшегося в империи Вильно, в направлении Курляндской губернии и белорусских витебских земель.

Семья фон Врангель в то время здесь недолго задержалась, но биографу важно, что наследник древнего баронского прибалтийского рода родился именно здесь, на рыцарской земле предков. Это бесконечные леса, взлеты холмов, блюдца озерной воды, куда смотрится небо и верхушки сосновых боров. Здесь вотчины кабанов и енотов, приволье больших птиц. Все это проходило через душу глазающего младенца, а сердце его отца, барона и бывшего конногвардейца,

несмотря на полюбившееся реформатство, все же «исконно врангелевски» грелось от вида высящихся по обрывам старинных замков.

Тогда в связи с предпринимательской деятельностью Николая Егоровича семья часто перемещалась. Второй сын, названный тоже Николаем, родился в июле 1880 года уже в имении Головкивка Чигиринского уезда Киевской губернии. Потом они переехали в Ростов-на-Дону, где в апреле 1884 года появился на свет третий сын, Всеволод. Здесь Врангели проживут до середины 1890-х годов.

<...>

Как и в детстве барона Николая Егоровича, ощущавшего «детский рай» в их поместье под Петербургом, Петя со своими братьями Николаем — Кокой и Вовой, как называли Всеволода, окунались во всю прелесть жизни на казачьей земле в их здешнем имении на реке Кагальник.

От этой деревни недалеко от Ростова в другие стороны на десятки, сотни верст расстилались степи, и лишь маленький тенистый сад у баронского дома спасал от жары. С крестьянами-малороссами Врангели жили дружно и потому, что те постоянно обращались к господам за советом, также к Николаю Егоровичу, как к почетному мировому судье, — за решением тяжб. А Мария Дмитриевна была их врачом, потому что деревенские, по старорусскому обычаю, предпочитали лечиться у «барыни», а не у докторов.

На именины баронессы и ее детей устраивались театральные представления, на которых мальчики вместе с их городскими друзьями становились актерами. В конце таких праздников были застолья для всей деревни и фейерверки. Но однажды Петр чуть не стал жертвой в буквальном смысле этого слова от рук горячо, по-православному настроенных крестьян. Для верующего читателя этот случай понятен как указание на то, что промыслительно-избранный для своей великой судьбы старший сын Николая Егоровича Врангеля (в отличие от его младшего брата Всеволода, о чем ниже) был в безопасности от случайной смерти, однако же и не должен мараться даже игрой в нечестивого, что было, конечно, безразлично его безответственному папе.

Так вот, на одно из представлений не придумали ничего лучшего, как нарядить Петю чертом. Для этого мальчику сшили из лохматой черной материи костюм, обтянувший его с ног до головы, на который прилепили рога, а изо рта повис громадный муляж красного языка. Особенно впечатлял длинный хвост на проволоке с кисточкой, который поднимался трубой, если его дергать за веревочку. Не дожидаясь спектакля, выдумщик Петр пошел в поле, чтобы нагнать там страху на незнакомых хохлов, нанятых косцами хлеба и занятых его уборкой.

Когда жнецы увидели самого «биса», дружно бросились бежать. Чтобы довести их до полного ужаса, Петечка с диким ревом понесся вслед, то взвывая хвост крючком, то волоча его по земле. Но хвост

зацепился за стерню и оторвался! Увидев и поняв это победным предзнаменованием для христиан, крестьяне повернулись к «бису» со смертоносными косами в руках, не собираясь шутить. Тогда бросился наутек Петя, и уже хохлы яростно завопили.

Выскочившие в деревне на крик люди увидели кошмарную картину, которая была бы смешна, коли не бритвенно сверкающие лезвия кос у преследователей «черта» в руках. Понимал и Петр, что те принимают рогатого не за ряженого, а собираются располосовать натуральным образом. И оттого, что защитить его сейчас не мог никто, кроме самого себя, талантливый на инициативу будущий полководец спасал свою жизнь тоже натурально.

Петя то несся по полю во все лопатки, а то внезапно останавливался и с замогильным воем бросался назад в контратаку. Тогда вновь объятые ужасом жнецы отступали, а «кромешник» устремлялся напрямки к дому. И опять, осенившись крестным знаменем, хохлы с косами на изготовку как легион смертей летели за нечестивцем. У врангелевского дома уже вывели лошадей, чтобы скакать навстречу и спасать мальчика, но сорванец сам сумел опередить противника и вернуться домой невредимым.

Самым роскошным деревенским удовольствием была для мальчишек, конечно, охота. Их отец являлся страстным охотником, особенно на дичь с легавой собакой, причем весьма сведущим вплоть до теоретизирования этого старинного барского занятия, ведь барон являлся ни много ни мало председателем правления Южно-русского общества любителей правильной охоты. Какая же такая правильная? Это значит — с породистыми собаками.

<...>

«Мальчишек я стал брать на охоту, когда им не было еще десяти лет, и вскоре оказалось — в мое посрамление. Охотник я был страстный и пулей в крупного зверя попадал недурно, но, увы, по перу то и дело пуделял. Стрелять влет от излишней горячности я никогда хорошо не научился, и мальчишки, к их великой гордости и моему конфузу, вскоре меня заткнули за пояс, особенно Петр.

Летом мы с легавой охотились в степи, а осенью и весной ездили в гирлы реки Дона на перелет. Перелетом называют весенний прилет и осенний отлет пернатых, с юга на север и обратно. Эти периодические кочевки птиц совершаются с поразительной точностью, всегда одними и теми же путями, точно в воздухе проложены, как на суше, столбовые дороги. Для водяных птиц главный сборный пункт — гирлы Дона. Там во время перелета их собираются миллиарды. Отмели покрыты рядами розовых ибисов, священных птиц Египта, меланхолических несуразных пеликанов, «баб птиц», как их называют казаки; поля — стадами пасущихся серых диких гусей, на водах плывут тысячами белые лебеди. Над нами гучами пролетают одна за другой стаи крупных крижней, уток всевозможных пород

и окрасок. Выстрелы охотников заглушены хлопанием крыльев, свистом, чириканьем пролетающих птиц.

Во стократ очаровательнее охота на предгорье Кавказского хребта. Там кишит и крупной, и мелкой дичью. Но прелесть этих охот не в этом, а в обстановке.

У ваших ног расстилается безграничная зеленая равнина, на фоне виднеются снежные вершины недоступных гор. Кругом таинственные леса стройных чинар, бука, ветвистого черного дуба. Охота окончена, сумерки спускаются на землю. Лежа на бурке, вы глядите, как на небе одна за другой зажигаются звезды... Ярче и ярче пылает костер. Черкес, подвернув непонятным для вас образом под себя ногу, на шомполе жарит шашлык... Утих смех, шум, говор загонщиков... «Дід»-пластун начинает рассказ о походах, о былых лихих набегах на аулы, которые вдали там, точно орлиные гнезда, ютятся на каменных утесах, о том, как их деды и отцы бились и умирали в боях. Джигит с Георгиями на рыжем бранном бешмете вспоминает, как недавно со Скобелевым ходили за «бурный Каспий», в далекие «афганские страны». Он смолк. В огонь набросали валежник, теснее сплотились у костра... Лагерь засыпает. Лишь треск пылающих сучьев нарушает тишину... Плавно всплыла луна, таинственным светом освещая долину... Вполголоса мягким баритоном запел молодой казак. Товарищ робко ему вторит. Подтягивает вполголоса сперва один, другой, третий... Песнь крепнет, растет, ширится... Мощным стройным хором поют казаки. И вы засыпаете, убаюкиваемый, как ребенок волшебными сказками».

Все это впитывал в себя Петр Врангель мальчиком, подростком, юношей. По своей любви к охоте он превзошел отца. Даже будучи вождем белого Крыма, вечно занятым в боях и хлопотах за войско, генерал Врангель станет находить время, чтобы отправиться на охоту в столь схожие с донскими крымские места.

Уехать Врангелям из Ростова-на-Дону в 1895 году пришлось, чтобы не терзать сердце памятью о случившемся там с их младшим Вовой. Началось с того, что, когда гулял он двухлетним с баронессой и няней по ростовской улице, к ним подошел городской дурачок, юродивый и погладил малыша по голове, сказав Марии Дмитриевне:

— Не нудь его, не неволь, проживет только девять лет.

Не могла забыть пророчества она все эти годы. И когда одиннадцатилетний Всеволод сильно заболел дифтеритом, у матери обреченно сжалось сердце. Веселый, жизнерадостный мальчик уже после того, как прошел кризис, затих и ушел в себя. Потом, почувяв тревогу окружающих, он постарался быть шутливым, смеялся, но от этого повеяло дыханием смерти. Вот как описал случившееся его отец:

«Видели ли вы цветущего, жизнерадостного ребенка, всем своим существом равнешегося жить, которому ясно, что он должен умереть?»

Долгие дни, нескончаемые ночи он говорил о том, как счастлива была его жизнь, как сладко жить, как весело играть, бегать в саду, о том, что скоро ни его, ни жизни, ни сада — больше не будет.

Видели ли вы ужасом объятого ребенка, умоляющего отца не позволить страшному старику его схватить?

Слыхали ли вы последние распоряжения умирающего малыша? Обсуждение, кому какие передать игрушки, просьбы беречь его никому не нужную няню, не плакать, когда в яму его зароят черные люди, не бросать его картонных актеров...

Мы этот ужас пережили...

На другой день после его похорон мы поехали на кладбище.

На свеженасыпанной могиле сидел юродивый и играл камешками.

— Тут, тут наш ангелочек, — радостно улыбаясь, сказал он».

* * *

В Санкт-Петербурге Врангели поселились в просторной квартире, отлично отделанной и богато убранной предметами искусства, антиквариата, коллекционированием которых вдохновенно занимался хозяин, на Бассейной улице в доме 27.

В столице Николаю Егоровичу вскоре удалось освоиться в финансовых кругах, потому что он был старым знакомым по службе в РОПИТе теперешнего министра финансов С. Ю. Витте³¹. Он свел барона со своим ближайшим сподвижником, директором Петербургского Международного коммерческого банка А. Ю. Ротштейном. В это время фон Врангель становится председателем правлений Амгунской золотопромышленной компании и Товарищества спиртоочистительных заводов, членом правлений «Биби-Эйбатского нефтяного общества» и «Сименс-Гальске» как доверенное лицо ведущего столичного банка Ротштейна.

Решение Петра Врангеля учиться в питерском Горном институте³² во многом было продиктовано волей отца, с удовольствием чувствующего себя ярким представителем «прогрессивной» буржуазии, готовившего такую же судьбу для старшего сына. Более прозаические их интересы были связаны с влиятельной ролью Николая Егоровича на сибирских золотых приисках, заложенной еще Егором Ермолаевичем, где Петр, став горным инженером, мог сделать хорошую карьеру. Таким образом, потомственный дворянин Санкт-Петербургской губернии барон Петр фон Врангель в 1895 году стал студентом Горного института императрицы Екатерины II, а его младший брат Кока, заболев воспалением легких, оставил учебу в 4-м реальном училище и для поправки здоровья был отправлен в Италию.

Горный институт был основан в 1773 году Указом императрицы Екатерины Великой как воплощение идей Петра I и М. В. Ломоносова о подготовке инженеров для развития одной из основополагающих отраслей России — горно-заводского дела. Во времена студенчества

здесь Врангеля, до 1899 года он являлся единственным горно-техническим высшим учебным заведением России и стоял у истоков создания минерально-сырьевой базы, горно-обогатительных и металлургических предприятий империи. Ему принадлежит ведущая роль в развитии горной науки, геологии и металлургии нашей страны.

Сын изумительного ценителя прекрасного и брат Николая фон Врангеля — будущего устроителя многочисленных художественных выставок, сотрудника журналов «Старые годы», «Аполлон», талантливого исследователя русского искусства послепетровского времени, Петр прежде всего был польщен находиться в стенах памятника архитектуры, созданного архитекторами А. Н. Ворониным³³ и А. И. Постниковым³⁴.

Горный институт явился главным творением великого Воронихина после петербургского Казанского собора, доминирующего в застройке Невского проспекта — в месте его пересечения с Екатерининским каналом, как творчески измененный им проект собора Святого Петра в Риме с куполом Микеланджело и колоннадой Бернини. А Горный институт (1806–1808) композиционно завершил набережную Васильевского острова со стороны моря. Воронихин объединил тут уже существовавшие невысокие дома, добавив к ним небольшой корпус и величавый фасад с дорическим портиком, обращенный к Неве.

К здешней пристани со времен Петра Великого подходили корабли, но нашего Петра всегда больше интересовал, например, институтский Горный музей, основанный одновременно с институтом и возведенный тоже Ворониным. Как и в реальном училище, он с легкостью овладевал естественно-научными дисциплинами. В нем жил неистребимый дух исследователя, едва ли не фанатичная страсть узнать, изучить, прощупать «до нитки» собственными пальцами дело, порученное или попавшее в руки.

Петр Врангель пропадал не случайно в этом хранилище уникальных коллекций, учрежденном по указу Государыни Екатерины одновременно с Горным училищем, собранных в залах площадью в тысячи квадратных метров из десятков стран мира и всех континентов. Среди экспонатов музея была, например, всемирно известная глыба малахита массой 1504 килограмма, подаренная императрицей Екатериной II; самородок меди массой 842 килограмма из Казахстана — дар императора Александра II; миниатюрные работы фирмы Фаберже. Музей располагал единственным в России собранием моделей по горному и горнозаводскому делу XVIII–XIX веков, среди них — старейшие модели шахт, карьеров, обогатительных фабрик и металлургических заводов.

Особенно интересовал барона в залах Горного музея на втором этаже Отдел минералогии. Музею и положил начало Минеральный кабинет, который был утвержден Уставом Горного училища от 28 июня 1774 года. Приумножению его собраний придавалось

особое значение, так как Кабинет должен был обслуживать не только студентов и преподавателей, но и «любопытных посетителей». Именно в это время, к концу XIX века, Горный институт становится обладателем ценнейшей коллекции минералов. Формирование его минерального собрания связано с всемирно известными учеными, представителями царствующих династий, видными общественными деятелями, минералогами, коллекционерами-любителями. Все это шло от великолепного преподавания минералогии — одной из основных учебных дисциплин в Горном институте, поклонником которой был барон фон Врангель.

Безусловно, в сем институте барон являлся представителем самого элитарного, высшего слоя в тогдашнем разночинском студенческом обществе и шил свою студенческую тужурку на белоснежном шелку у самого знаменитого петербургского портного. Впрочем, являлся ли фон Врангель вообще полноценным членом этой альма-матер, о которой потом почти не будет вспоминать? Потому что по склонностям характера и души, монархическим устремлениям красавец почти двухметрового роста с классическим рыцарским лицом, с которого высокомерно сверлил стальной взгляд и скалой выступал раздвоенный подбородок, был совершенно равнодушен ко всякого рода студенческим сходкам, маевкам, митингам и демонстрациям, а равно и к другим затеям интеллигенции.

Врангель уже тогда весьма отличался от своего будущего соперника по посту белого главнокомандующего поручика Антона Ивановича Деникина, учившегося в это время по соседству уже в Академии Генерального штаба. С первых месяцев в Петербурге Деникин, выросший и служивший в провинции, с большим интересом вошел в общение со столичной интеллигенцией разных толков. Он жадно вбирал в себя все, что могло расширить его довольно «прогрессивный» кругозор. Был близок и с университетской молодежью, разнообразным студенчеством.

Однажды к Деникину на квартиру заглянули две знакомые курсистки. В один голос взволнованно затараторили:

— Ради Бога, помогите! У нас ожидается обыск. Нельзя ли спрятать у вас на несколько дней «литературу»?

Речь шла о подпольных пропагандистских изданиях, на которых воспитывались широкие студенческие круги. До того ни эти девушки и никто из студентов, приятельствовавших с офицером, не только не заикался о подобных услугах, а и не заговаривал о нелегальных делах.

Поручик Деникин сказал:

— Извольте. И с условием, что я с «литературой» ознакомлюсь. Три объемистых чемодана притащили они к Деникину.

Он провел в одиноком «подпольном семинаре» несколько бессонных ночей. А спустя несколько дней поручик обратился к наиболее

«передовым» из своих знакомых интеллигентов дать почитать еще более серьезную нелегалышину³⁵. Ему предоставили кипу журналов, издававшихся за границей, ходивших по рукам в России: «Освобождение» Струве³⁶, «Красное знамя» Амфитеатрова³⁷...

Странная готовность, не правда ли, с какой Деникин схватился за «подпольные» чемоданы. Ведь при производстве в офицеры он подписал документ, неизменный с первой половины XIX века: «Я, нижеподписавшийся, дал сию подписку в том, что ни к каким масонским ложам и тайным обществам, Думам, Управам и прочим, под какими бы они названиями ни существовали, я не принадлежал и впредь принадлежать не буду и что не только членом оных обществ по обязательству, чрез клятву или честное слово не был, да и не посещал и даже не знал об них, и чрез подговоры вне лож, Дум, Управ, как об обществах, так и о членах, тоже ничего не знал и обязательств без форм и клятв никаких не давал».

Это было, конечно, не присягой, но обязательством и в дальнейшем не замарывать свою честь вольнодумством, общением с бунтовщиками. Безусловно, офицер должен быть в курсе всех современных проблем, но одно дело — взять по ним у кого-то почитать и другое — спрятать у себя антигосударственную библиотеку. Выглядит такое подобно тому, если б глубоко православный человек кланялся бы, например, в буддийском храме.

Даже нечто отдаленно подобное в стремлении «овладеть» и знаниями из обшарпанных чемоданов не могло прийти в голову студенту Горного института Врангелю, хотя ему было еще далеко до офицерства и варился он в самой гуще революционного студенчества. О Петре фон Врангеле тогдашнего, так сказать, калибра и образца мы находим и в мемуарах одного графа, о котором расскажем позже: «...Я встречал его в юности на великосветских балах, где он выделялся не только своим ростом, но и тужуркой студента Горного института; он был, кажется, единственным студентом технического института, принятым в высшем обществе...»

<...>

После окончания с золотой медалью Горного института с сентября 1901 года барона Петра фон Врангеля призвали на действительную военную службу хотя и рядовым, но в элитарный лейб-гвардии Конный полк на правах вольноопределяющегося, или «вольноопера» и «вольнопупа» — как бесцеремонно называли их кадровые офицеры. Здесь привычно служили Врангели, потому что именно этот Конно-гвардейский полк в сравнении с другим отборным и перво-сортным в кавалерии Кавалергардским отличался выдвижением в него аристократов с немецкими фамилиями.

<...>

Среди эдакого исторического и мундирного блеска нисколько не смущающийся родовитый вольноопределяющийся барон Вран-

гель к марту 1902 года закончил полковую учебную команду и стал унтер-офицером. В июле барона произвели в эстандарт-юнгеры, то есть в старшего унтера из дворян³⁸, что ценилось уже выше армейского прапорщика.

Казармы Конного полка были в самом центре столицы, и особенно привлекал внимание великолепием архитектуры Конно-гвардейский манеж. Его построил искусный Джакомо Кваренги³⁹ в 1804–1807 годах, вписав в ансамбли Исаакиевской и Сенатской площадей. У восьмиколонного портика главного фасада по обеим сторонам входа стоят из каррарского мрамора группы эллинских мифологических героев Диоскуров⁴⁰ — уменьшенные копии античных скульптур перед Квиринальским дворцом в Риме.

Однако Врангель здесь не столько любовался, сколько потел, обучаясь гвардейской кавалерийской посадке на коне. Сдав по 1-му разряду экзамен на офицерский чин в Николаевском кавалерийском училище⁴¹, Петр фон Врангель стал корнетом по Высочайшему приказу 12 октября 1902 года. И было удивительное превращение из юнкерской «гусеницы» в «эполетную» бабочку: только что «вольнопер», как тут же офицер с правом быть среди лучшей части русской армии — гвардейской кавалерии. Да что России — всего мира! И был умопомрачительный обед в Офицерском собрании, где новички имели право напиться в дым, и они были обязаны сделать это.

С новоиспеченными гвардейскими корнетами сразу шли на брудершафт старые корнеги, поручики, штабс-ротмистры, так как все в гвардейском полку должны быть на «ты», невзирая на разницу в чинах и годах. Вестовые в белых рубашках кружили и метались вокруг, едва удерживая громадные подносы с бокалами пенящегося шампанского, с большими бутылками, завернутыми в ослепительно-белые салфетки.

Плюс ко всему, 22-летний барон Врангель обожал всевозможный военный шик и шампанское... Эту историю описывает его сын Алексей Петрович в своей книге «Доверие воспоминаний»:

«После лет, проведенных в Горном институте, Врангеля с головой захватила “игра в солдатики”... Как и во всех гвардейских полках, прием “в ряды” производился на основании голосования офицеров полка, “извне” на которое никто не мог повлиять. Накануне же Врангель с друзьями отмечал предстоящее производство в офицеры и, судя по всему, хватил лишнего. Когда он, возвращаясь домой, проходил мимо дома полкового командира, то выхватил саблю и вдруг стал лихо рубить молодые деревья, высаженные вдоль аллеи. Полковник, князь Трубецкой, был строг и не отличался чувством юмора, к тому же любил эти деревья. Короче, кандидата забаллотировали.

Врангеля на протяжении всей жизни отличало одно качество: никогда не оглядываться назад. Сожалея, несомненно, что не удалось поступить в полк, он, не сетуя на судьбу, начал новую карьеру — инженера в далекой Сибири».

Однако то, что потом столь ярко и героически засияет воинская звезда Петра Николаевича, безусловно, свидетельствует — высокому таланту, жизненному призванию нет преграды, так как в этом мире распоряжается все-таки Господь.

* * *

Таким образом, снова оказавшись штатским, Врангель получил должность чиновника по особым поручениям при иркутском генерал-губернаторе. Ближе к зиме 1902 года он отправился в Иркутск, с 1661 года стоящий на красивейшем месте слияния рек Иркутта и Ангары.

<...>

Врангель очутился под руководством генерал-лейтенанта, генерал-губернатора Александра Ильича Пантелеева, заступившего на этот пост в 1900 году. Его начальник был георгиевским кавалером, удостоенным Золотого оружия, и раньше командовал лейб-гвардии Семеновским полком. Потом Александр Ильич возглавлял Училище правоведения и ревизовал в Сибири, Иркутске жандармские губернские и железнодорожные управления. В 1898 году генерала Пантелеева назначили товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией, помощником шефа жандармов и командиром Отдельного жандармского корпуса. Врангелю у него многому было можно учиться, и этот опыт пригодится потом Петру Николаевичу в белом Крыму при работе в своем «генерал-губернаторстве».

Однако недолго барону удалось пробить под этой крепкой гвардейской рукой, в мае 1903 года А. И. Пантелеева перевели снова в столицу — в Государственный совет. Однако за свой небольшой срок на этом посту бывший семеновец немало успел, в чем энергично помогал ему Врангель за месяцы их общей работы и потом воплощал пантелеевские планы до своего «перевода» на начавшуюся вскоре Русско-японскую войну. Это сооружение здания Ремесленно-воспитательного заведения Н. П. Трапезникова, получение 1-й женской гимназией средств на возведение нового дома, отчего удвоилось число учащихся. Генерал-губернатор ходатайствовал и об открытии в Иркутске женского 4-классного училища и женской учительской семинарии, а также — перед Министерством финансов о десятках тысячах рублей на проведение в городе Научно-промышленной выставки.

Несмотря на жандармское прошлое, Александр Ильич, очевидно опираясь и на таких «особых» чиновников, как П. Н. Врангель, отличался лояльным отношением к политическим ссыльным, проявлял снисхождение при взятии их под залог или на поруки. В этом качестве Петр мог вернуть долги либеральности своему отцу. Годы правления Пантелеева совпали с развитием революционного движения в крае, однако действия генерал-губернатора как охранителя порядка были весьма умеренными и осторожными.

Отменно воспитанный А. И. Пантелеев быстро сошелся с иркутским обществом, любил представительство, устраивая обеды, балы, рауты. Его супруга Александра Владимировна была доброй женщиной, очень образованной и в то же время дамой с характером и большой выдержкой. В Иркутске поговаривали, что она помогает мужу руководить краем и без нее управление совершенно «свихнулось» бы. Она участвовала в различных обществах, сблизилась со многими иркутянами, Врангель был принят в доме Пантелеевых с большой приязнью. Другое дело, что генеральская дочь, которая годилась ему в невесты, прекрасно говорившая на многих языках, больше интересовалась политической ссылкой и пренебрегала жизнью светского общества, отчего отец называл ее «нигилисткой».

Начальник барона Врангеля увековечил себя здесь идеей создания памятника инициатору Великого Сибирского железнодорожного пути — государю императору Александру III. Уже членом Государственного совета и генерал-адъютантом А. И. Пантелеев будет присутствовать 30 августа 1908 года в Иркутске на открытии этого монумента.

